

И. ГРЕКОВА

ПЕРЕЛОМ



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г80

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Грекова, И.

Г80 Перелом : [повесть] / И. Грекова. — Москва :
Издательство АСТ, 2027. — 256 с. — (Эксклюзив:
Русская классика).

ISBN 978-5-17-191580-3

Заведующая терапевтическим отделением Кира Петровна Реутова — добрый, заботливый и отзывчивый врач. Неудачное падение в Москве во время командировки — и вот уже она с тяжелым переломом попадает в травматологическое отделение в чужой больнице. Превращение из врача в пациента не только открывает для нее больничную действительность с другого ракурса, но и вообще меняет ее взгляд на жизнь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-191580-3

© И. Грекова, наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2027

Для чего мне эти записки? Сама не знаю. Что-то вроде конспекта прожитой жизни, с ее перепадами, переходами из одного этапа в другой, из состояния — в состояние. В общепринятом, житейском смысле слова я еще не стара, но кажется, что жила долго-долго. Что за плечами у меня не одна жизнь, а несколько.

Опять я где-то на переломе. Кончился один этап, начинается другой. Еле-еле брезжит, едва карабкается. Мне надо поговорить с собой, поспорить, даже поссориться. Так или иначе себя осмыслить.

«Опять ваша драгоценная персона!» — сказал бы он. И был бы прав. Но это «я» доминировало во мне слишком долго, чтобы вот так, сразу, от него избавиться. Да и нужно ли это? Какие-то элементы «я», пожалуй, стоит сохранить. Чтобы окончательно не впасть в безличность. Не выродиться в прямую линию. Колебания — это жизнь. Кончатся они — не будет и жизни.

В памяти разные слои, разные жизни все время скользят друг по другу. Как, бывает, скользят облака, слой по слою, в пасмурную погоду. Какое ближе, какое дальше — не поймешь. Пусть будут мысли, как те облака, — без всякой организованности. Пишу своим профессионально неразборчивым почерком врача, каким пишутся рецепты, справки, направления. Кто бы ни занимался моими бумагами после моей смерти — не прочтет. Но смерть, уверена, еще не скоро: я на нее не имею права.

В таких, для одной себя, записках не обязательны ни логика, ни последовательность. Можно противоречить самой себе, как и в жизни на каждом шагу мы себе противоречим. Не буду стараться быть умнее самой себя. Это еще никому не удавалось.

Что такое «ум»? Скорее всего способность видеть *сквозь* явления. Понимать не внешние, а внутренние их связи и причины. Такой способности у меня никогда не было. Часто спрашивала себя, почему в жизни случилось именно так, а не иначе? Мучилась, но ответа не находила. Не умна.

Есть нечто большее ума — мудрость. Мудры бывают старики и дети. Мудр голубь, клюющий крошку на тротуаре за моим окном. Мудры по-своему и деревья, растущие косо, параллельно друг другу, на моей улице. Может быть, когда-нибудь, в глубокой старости, снизойдет на меня мудрость.

Но вряд ли. Сегодняшние старики редко бывают мудрыми. Большинство суетится до самой смерти.

Познать самого себя — кому это удалось? И не тщетны ли мои попытки познать себя хоть отчасти в этом с собой разговоре? Не знаю. Стать настоящим человеком мне, пожалуй, уже не удастся. Но за оставшуюся жизнь, сколько бы ее ни осталось, я могу (и, надеюсь, смогу) измениться. Даю слово себе и его памяти, что сделаю все, чтобы измениться.

Настоящее, прошлое, позапрошрое, позапозапрошлое. Будущее ближайшее. Отдаленное. Наш язык не различает таких тонкостей. Есть языки, где множество различных времен. Меня они все равно не спасли бы от путаницы. Все мои мысли о прошлом, позапрошлом и так далее — только для будущего. Пока человек жив — у него есть будущее.

И не только пока жив. Его нет, но он существует. Это я повторяю как заклинание.

Пишу и все время одергиваю себя: не слишком ли красиво выражаюсь? А ведь иногда без этого не обойтись. Принято различать красоту и красивость. Думаю, что не всегда это правильно. «Жизнь уносила меня, как река» — что это, красота или красивость? Ни то, ни другое. Просто верно.

В сходных обстоятельствах люди испытывают сходные чувства и выражают их сходными словами. Не буду от этого удерживаться.

Мысли бегут, как те самые облака при сильном ветре. Стóит усилия их останавливать. Пóстой, говорю я себе, не торопись, не кидайся. По-размышляй.

Может быть, эти записки — способ замедлить мысли. Пишем ведь мы медленнее, чем думаем.

1

Надо же с чего-то начать? Упорно возникает в памяти утро того дня, когда впервые увидела Люсю Шилову. Счастливого дня.

Я вообще в том слое жизни была не то чтобы счастлива, но довольна. Главное — свободна. Борис отболел, отпал, как корка на неглубоком порезе. Работа шла успешно. Не так давно главврач больницы (мы его зовем просто Главный) специально отмечал на собрании отличную работу заведующей вторым терапевтическим отделением Киры Петровны Реутовой (это я).

Специальность свою, терапию, любила без памяти. Царство загадок. Это тебе не хирургия: разрезал — и видишь. Человек не прозрачен, несмотря на все рентгены и новейшие средства — ультразвук, томографию. Поступает больная, жалуется: болит живот. Как болит, в каком месте? Показывает: тут ноет, сюда отдает, а здесь как будто подпирает. Поди угадай, что с ней. То ли язва, то ли аппендицит, а может, внематочная

беременность? Или что-то еще непредвиденное, к животу прямо не относящееся, скажем, инфаркт? Бывает и это.

Во всех таких возможностях надо разобраться. Отбросить неподходящие, выделить самые вероятные. Выбрать, наконец, одну версию, поставить диагноз, назначить лечение. Взять в руки судьбу человека.

В больнице меня считали неплохим диагностом, и, пожалуй, справедливо. Интуиция, опыт, а то и просто везение. Главное — опыт. Сколько могут сказать опытному врачу такие, скажем, признаки, как выражение глаз больного, оттенок кожи, движение руки, прикоснувшейся к одеялу характерным жестом? Когда я имею дело с больным, тут же незримо присутствует целый ряд других, с которыми я встречалась раньше.

Последнее время много толкуют о машинной диагностике. Не знаю: возможно, какой-то смысл в ней и есть, особенно для врача начинающего, неопытного. Кое-что машина может ему подсказать. Именно подсказать, намекнуть. Но окончательный диагноз, лечение — все это берет на себя живой человек, врач. Только он может взять на себя ответственность за неудачу.

Вспоминаю курьез: на каком-то научном заседании обсуждалась разница между машиной и человеком (вопрос был тогда модным). И кто-то сказал в шутку: «Разница в том, что человека можно посадить, а машину — нет». Шутка шут-

кой, а какая-то правда в этом есть. Человек ответствен за свое решение, машина — нет.

И еще: огромную роль в успехе или неуспехе врачевания играет общение, личный контакт человека с человеком, врача с больным. Сумел понравиться ему, завоевать доверие — добрая доля успеха обеспечена.

Обо всем этом думала я (или вспоминается, что думала), идя на работу в тот обычный счастливый день.

Почему счастливый? С утра узнала, что Максимова — самая тяжелая больная в отделении, инфарктница, мать троих детей, как будто (тьфу-тьфу!) выкарабкивается. Дежурила при ней три ночи подряд. Искусственное дыхание, массаж сердца... Удалось-таки спасти! Почти не держась на ногах от усталости, — домой, спать... Дежурной сестре: «Любочка, я пойду. Если что, сразу звоните». — «Хорошо, Кира Петровна».

До чего же хороша она, любимая моя помощница! Нежно-розовые щеки, голубые глаза, невинные, как вода. Белокурые завитки на шее. Крахмальный колпачок не на голове, а как бы при ней, невзначай присел. Люблю это медицинское щегольство. Старательна, точна, добросовестна. Будет из девочки толк, если не избалуется. При такой внешности избаловаться легко.

Ночью звонка не было. Всласть выпалась, как легла, так и провалилась. Сон — ватный, глухой, какой бывает только после нескольких ночей

бессонных. По такому сну будильник бьет тревогу, что-то случилось. Сразу — к телефону, звоню в отделение: «Любочка, как Максимова?» Ясный, веселый голос: «Ничего, спит. Ночь прошла спокойно. Кажется, на лад идет дело».

«На лад, на лад, на лад!» — скрипели по снегу сапожки. Новые, первый раз надела. Легкие, как перышко. Импортные, на высоком каблуке, с золоченой цепочкой. Нелегко такие достать. Помогла бывшая пациентка, спасибо ей. Вообще-то я не модница, но сапожки меня радуют. Все-таки я женщина, хотя и потесненная врачом.

Раннее, розовое зимнее утро. Розовый свет на красноватых, со смуглотой, древних кирпичных башнях. Кажется, свет зари поднимает их вверх.

Ну до чего же люблю свой город, свою родную «провинцию»! Не из больших, не из нарядных, не в чести у туристов, но бережно хранящий свою старину, свое лицо, красиво тронутое временем. Не портят его и следы войны — пробоины в стенах и башнях, заделанные кирпичом другого цвета. Как рубцы на лице ветерана, — заметно, но почетно. До чего же вольно раскинулся он по своим холмам, у слияния рек — большой и средней...

Остановилась полюбоваться. Отсюда, сверху, хорошо видны обе реки, замерзшие основательно, до весны. Лед неровный, торосистый, с черными промоинами — над ними курится пар. На той стороне, в отдалении, — фабричные трубы

вертикальными столбиками, каждая со спичку величиной. Дымят желтым, серым, розовым. Все это вместе красиво до боли душевной...

Была в то утро счастлива особым счастьем. За Максимову, за весь мир, за себя. Любила весь мир и себя тоже (себя-то за что обижать?).

Кстати, о любви к себе. Не путать с себялюбием. Себялюбие — плохо, не буду спорить. Но как назвать то состояние, когда человек счастлив, любит весь мир, других людей — и себя в том числе? Творческое состояние тоже включает любовь к себе («Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»). Один из уроков, вынесенных мной из жизни: счастливый человек, довольный собой, гармонично сливающийся с миром, распространяет свое счастье и на других. Счастье заразительно, как и горе. Горе лучше скрывать, счастье — выказывать.

Тут случился один эпизод, сам по себе незначительный, но почему-то запомнился. Двое мальчишек.

Стояла вверху, любовалась видом. Далеко внизу, у подножия холма, — полынья, над ней клубится пар. А рядом, у самой кромки воды, — две черные фигурки, закорючками — двое мальчишек. С удочками. Стоят и, видно, ссорятся: то один пнет другого, то другой — его. Того и гляди скатятся в воду.

Крикнула: «Эй вы, там! Отойдите сию минуту от края!» Никакого внимания. Не слышат?

Заскребло в душе беспокойство. Как будто это мои собственные сыновья, Митя с Валюном, дерутся у проруби: вот-вот — и оба в воде!

Материнские тревоги живучи. Сыновья уже давно выросли, не плачут. Но до сих пор, когда какой-то малыш, громко воя, поднимается по лестнице и гулкое эхо его повторяет, — каждый раз у меня падает сердце. Открываю дверь, вытираю орущему нос, спрашиваю, в чем дело (ответ невнятен, утоплен в соплях и слезах, что-то вроде «а чего он меня?»), кое-как успокаиваю...

Что же с этими, с рыбаками, делать? Спуститься вниз, оттащить от воды? С опаской поглядела на свои высокие каблуки. Пожалуй, права была Нина Константиновна, не советуя модничать... Но что теперь делать? Надо спускаться.

Перешагнула снежную бровку, заскользила вниз. Склон обледенелый, крутой. Ноги плохо держат: села и покатилась, как говорят туристы, «на пятой точке».

Движение вниз — все быстрее. Еле удалось вовремя затормозить, а то сама бы скатилась в воду. Вся перевалилась в снег. Хороша, ничего не скажешь. Мальчишки от неожиданности перестали драться. Откуда-то сверху тетка скатилась! Один — постарше, с каким-то рыбьим, треугольным лицом, глаза выпуклые. Другой — пониже, полненький блондин, челка снопиком из-под ушанки. Оба — красноносые, озябшие, в мокрых

варежках. Дрались, оказывается, из-за улова: одной-единственной рыбешки с палец величиной.

— Вам что тут надо? — спросил тот, что постарше.

— Ничего особенного. — Пытаюсь встать.

— Тетенька, вам помочь? — спросил младший.

Этакий милый! Протянул руку. Кое-как встала.

Тот, постарше:

— Пожилая, а туда же, как маленькая.

Кажется, впервые в жизни услышала о себе «пожилая»... Впрочем, для такой ребятни все взрослые — пожилые.

— За вас испугалась. Деретесь тут, у самого края! Долго ли до беды?

— До-о-олго, — протянул старший.

А маленький:

— А мы уже додрались. Сейчас домой пойдем. Давайте помогу — круто.

Втроем кое-как взобрались по круче.

Спускалась, чтобы им помочь. Помогли они — мне.

Два мальчишеских лица — одно посуровее, другое — подбробнее. Спорная рыбешка, забытая на льду (вблизи он виделся синеватым).

Почему так отчетливо помнится этот пустяшный эпизод? Может быть, будущее, невзначай заглянувшее в прошлое?

2

Шла и думала: почему это мальчики всегда ссорятся? Вот и мои, Митя с Валюном, никак не поладят. До чего же разные ребята!

Митя — студент последнего курса мединститута, без пяти минут врач. Собой невидный, узкий-узкий (кажется, можно, раздвинув пальцы одной руки, смерить его от плеча до плеча). Близорукий, сутулый, похож на Бориса в молодости, но без его нервозности, без пессимизма. Стойкий оловянный солдатик. Учится на одни пятерки, повышенную стипендию всю, до копейки, отдает мне (я ему и сезонный билет покупаю). Будущая опора семьи. Впрочем, будет ли опорой, когда женится? Пока что девочками и не пахнет.

Младший, Валюн, — прямая противоположность. Рослый, красивый, яркоглазый, яркозубый. Десятиклассник, кончает школу. Отметки неважные — больше троечки. Иногда с удивлением схватит четверку. Девочки то и дело звонят (пока что только звонят). О будущем не задумы-

вается. Легкомысленная, летящая, завидная беспечность.

Меня часто спрашивали: кого из сыновей люблю больше? Отвечала: одинаково. Так не бывает. Одинаково сильно, но по-разному. Митю люблю серьезнее. Валюна — сердечнее. С тех самых пор, как в родильном доме принесли его кормить, а он, ярко-розовый, сморщил нос и чихнул. Как взрослый! И еще меня поразили на младенческом этом лице вполне сформированные, отчетливо черные брови. «Красавец будет!» — сказала нянечка. И правда, вырос красавцем.

Вылитая мать, говорили люди. Ну нет, гораздо лучше. Я сама не понимаю, как мне удалось произвести на свет этакое существо. «Самый красивый мужчина, которого мне приходилось видеть», — сказала про него одна знакомая (а уж она-то мужчин навидалась!). Я и сама, глядя на своего младшего, часто не могла отвести глаз. Что-то неотразимо-притягательное бывает именно в такой черноглазой красоте. Смотреть на нее и смотреть, плавать в черном...

Черные глаза — это в дедушку, моего отца. Тот тоже был черноглаз. У меня и у мамы — карие.